

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья Кашницкий, Светлана Бирюкова

- Parr N., J. Li, L. Tickle. *A cost of living longer: projections of the effects of prospective mortality improvement on economic support ratios for 14 advanced economies*
- (NCD-RisC), N. R. F. C. *A century of trends in adult human height*
- Pal I., J. Waldfogel. *The family gap in pay: new evidence for 1967 to 2013*
- Jakobsson N., A. Kotsadam. *Does marriage affect men's labor market outcomes? A European perspective*
- Gershoff E.T., A. Grogan-Kaylor. *Spanking and child outcomes: old controversies and new meta-analyses*
- (NCD-RisC), N.R.F.C. *Trends in adult body-mass index in 200 countries from 1975 to 2014: a pooled analysis of 1698 population-based measurement studies with 19.2 million participants*
- Fenge R., B. Scheubel. *Pensions and fertility: back to the roots*
- Breschi M., G. Ruiu. *Superstitions, religiosity and secularization: an analysis of the periodic oscillations of weddings in Italy*

A COST OF LIVING LONGER: PROJECTIONS OF THE EFFECTS OF PROSPECTIVE MORTALITY IMPROVEMENT ON ECONOMIC SUPPORT RATIOS FOR 14 ADVANCED ECONOMIES

[Parr N., J. Li, L. Tickle (2016). A cost of living longer: projections of the effects of prospective mortality improvement on economic support ratios for 14 advanced economies // Population studies. 70(2): 181–200. doi.org/10.1080/00324728.2016.1190029]

Увеличивающая продолжительность жизни и, как следствие, ускоряющееся старение населения в развитых странах постоянно оказываются в центре внимания политиков, обеспокоенных потенциальными сложностями в обеспечении достойной поддержки пожилому населению и сохранении потенциала для экономического роста. В качестве решения проблемы часто приводятся увеличение минимального возраста выхода на пенсию и меры по стимулированию участия населения на рынке труда. Ник Парр, Джекки Ли и Леони Тиккл решили проверить, насколько придется увеличить активность населения на рынке труда, чтобы сохранить современный уровень обеспеченности экономики рабочей силой (labour supply, измеряется числом рабочих часов в неделю на душу населения). Для этой цели они выбрали 14 развитых стран и, спрогнозировав структуры населения с 2010 до 2050 г., оценили необходимое увеличение трудовой активности населения по двум сценариям: с увеличением возраста выхода на пенсию и без.

Илья Савельевич Кашницкий (ikashnitsky@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия; PhD кандидат Университета Гронингена (RUG) и Нидерландского междисциплинарного демографического института (NIDI).

Светлана Сергеевна Бирюкова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Обзор поступил в редакцию в ноябре 2016 г.

Результаты моделирования сильно зависят от уровня рождаемости в стране. Поэтому исследователи сгруппировали изучаемые страны по этому показателю (таблица 1).

Таблица 1. Необходимые изменения в трудовой активности населения в ответ на изменения возрастной структуры населения в результате снижающейся смертности

Страна	Необходимый процент роста активности трудового населения	
	равномерный рост во всех возрастных группах	рост только в пожилых возрастах (60+)
<i>Страны и очень низкой рождаемостью</i>		
Чехия	7,0	112,2
Венгрия	6,2	139,9
Италия	5,0	80,1
Япония	8,1	32,2
Польша	8,4	100,8
Португалия	4,1	27,2
Испания	4,7	62,0
Швейцария	4,3	23,4
Среднее по группе	6,0	72,2
<i>Страны с низкой рождаемостью</i>		
Австралия	3,8	29,9
Канада	3,3	30,3
Нидерланды	3,6	60,5
Швеция	3,7	34,5
Великобритания	4,6	48,2
США	2,8	30,5
Среднее по группе	3,6	39,0

В целом снижение смертности отвечает за треть снижения обеспеченности рабочей силой в исследованных странах. Негативные изменения возрастной структуры населения, вызванные снижающейся смертностью к 2050 г., можно нивелировать сравнительно небольшим равномерным увеличением трудовой активности населения во всех возрастах: 6% в странах с очень низкой рождаемостью и 3,6% в странах с низкой рождаемостью. Однако если переложить ответственность за поддержание уровня предложения рабочей силы только на пожилых, то им придется увеличивать степень своей вовлеченности в рынок труда на 70 и 40% в двух группах стран соответственно.

Новизна статьи заключается в том, что в ней предпринята попытка изолировать влияние сокращения смертности от влияния изменений возрастной структуры населения на снижение обеспеченности рабочей силой. Важно различать эти две составляющие процесса, поскольку в долгосрочной перспективе эффект изменений возрастной структуры, во многом вызванный демографическим переходом, будет заметно ослабевать.

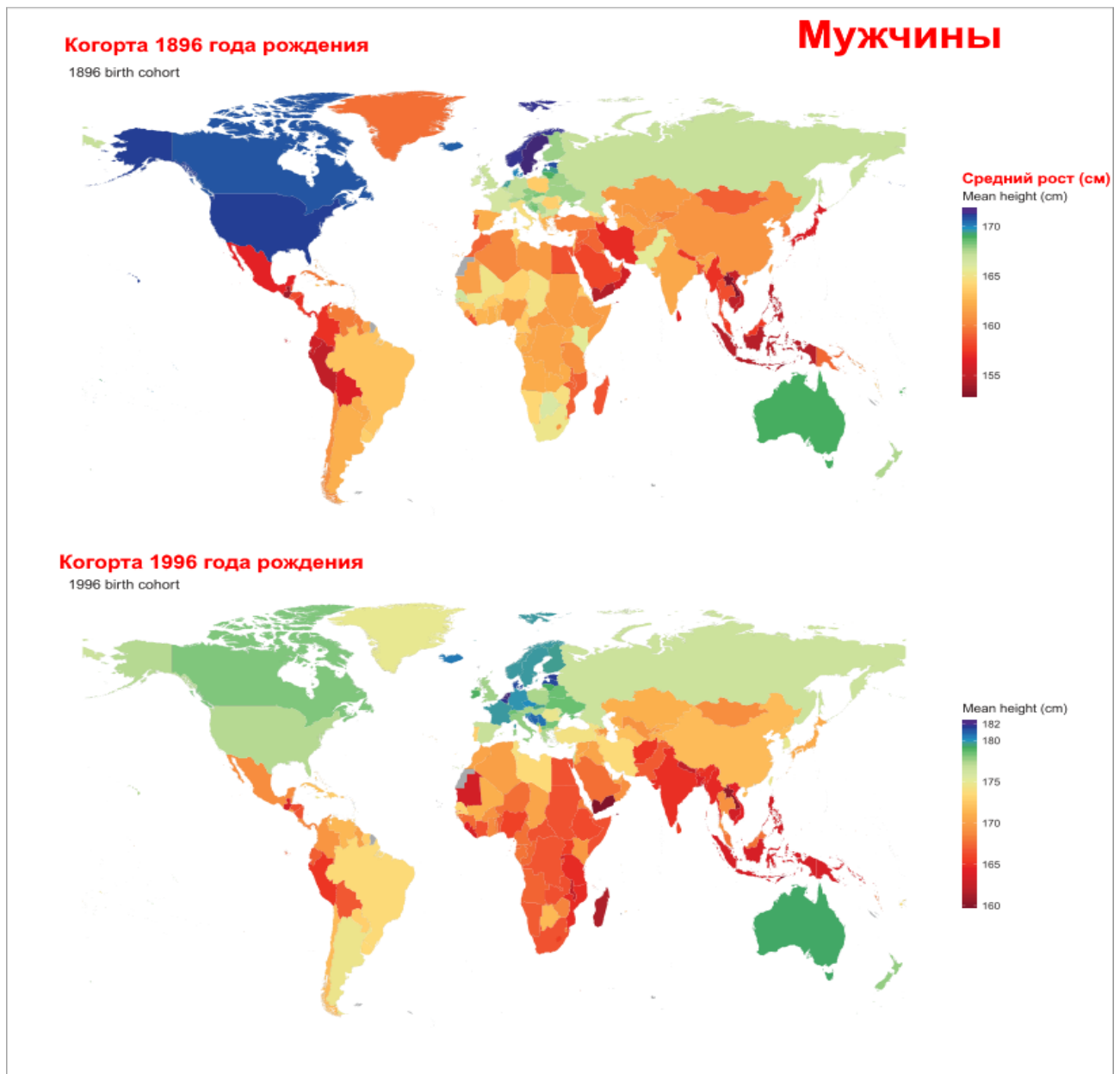
A CENTURY OF TRENDS IN ADULT HUMAN HEIGHT

[(NCD-RisC), N.R.F.C. (2016). A century of trends in adult human height // eLife. 5: e13410. doi.org/10.7554/eLife.13410]

Удивительную по трудозатратам статью опубликовала недавно группа исследователей NCD-RisC (перечисление авторов статьи растянулось на 9 страниц). Проанализированы 1472 ранее опубликованных исследования роста населения в различных странах мира.

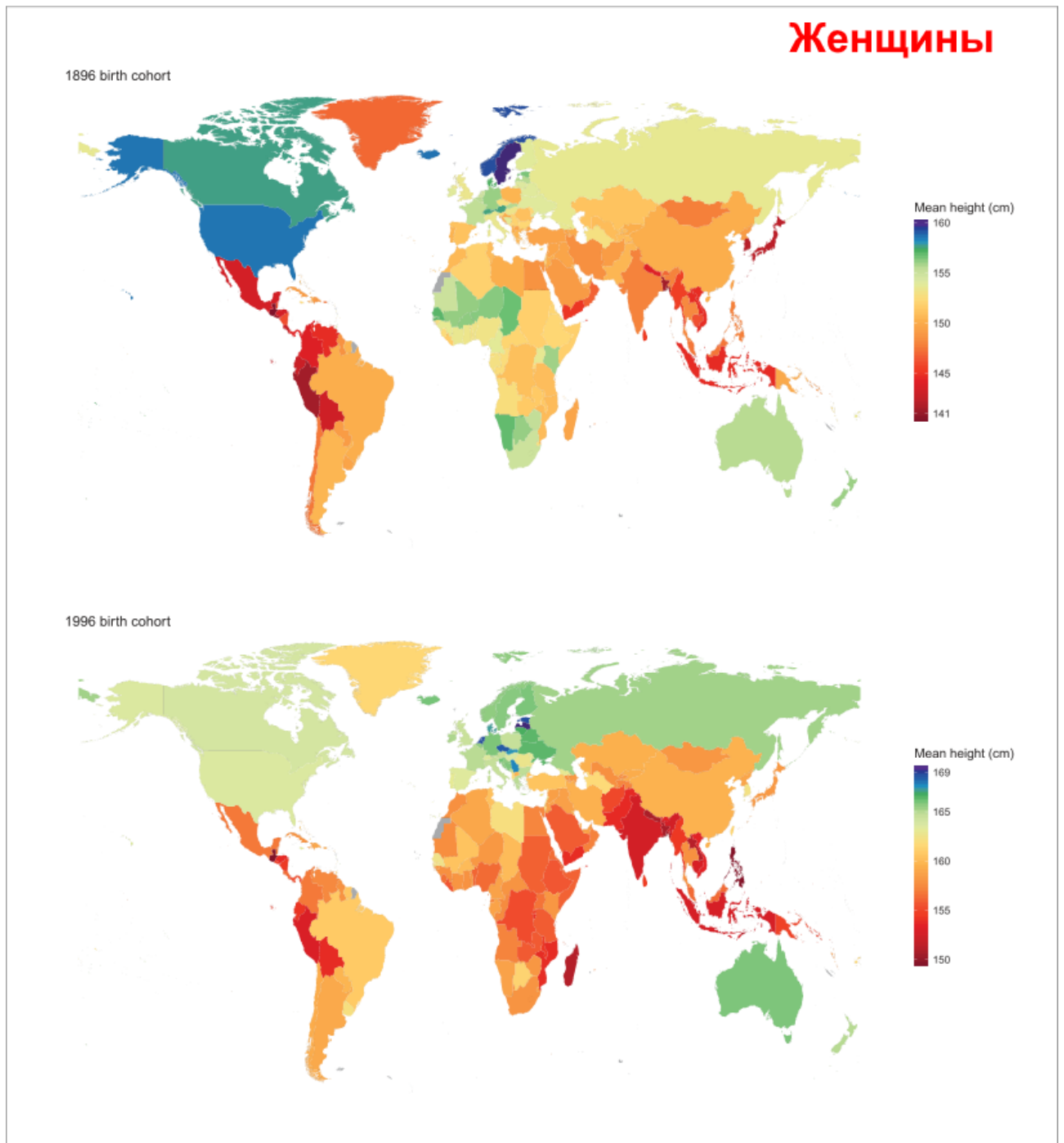
Всего в собранную базу данных попали 18,6 млн человек из 200 стран, рожденные с 1896 по 1996 г. Эти колоссальные усилия затрачены на то, чтобы получить сопоставимую в масштабах всего мира картину увеличения среднего роста людей. Можно без преувеличения сказать, что эта статья отвечает на вопрос: «Как росло человечество за последнее столетие?».

Средний рост населения в странах мира показывает колоссальные различия между развитыми и развивающимися странами. Причем эти различия были и век назад, сохраняются и сегодня, наблюдаются как у мужчин (рисунок 1), так и у женщин (рисунок 2). Можно даже заметить, что прирост в целом был значительно больше в развитых странах (рисунок 3). При этом межстрановые различия остались примерно такими же у женщин и выросли у мужчин.

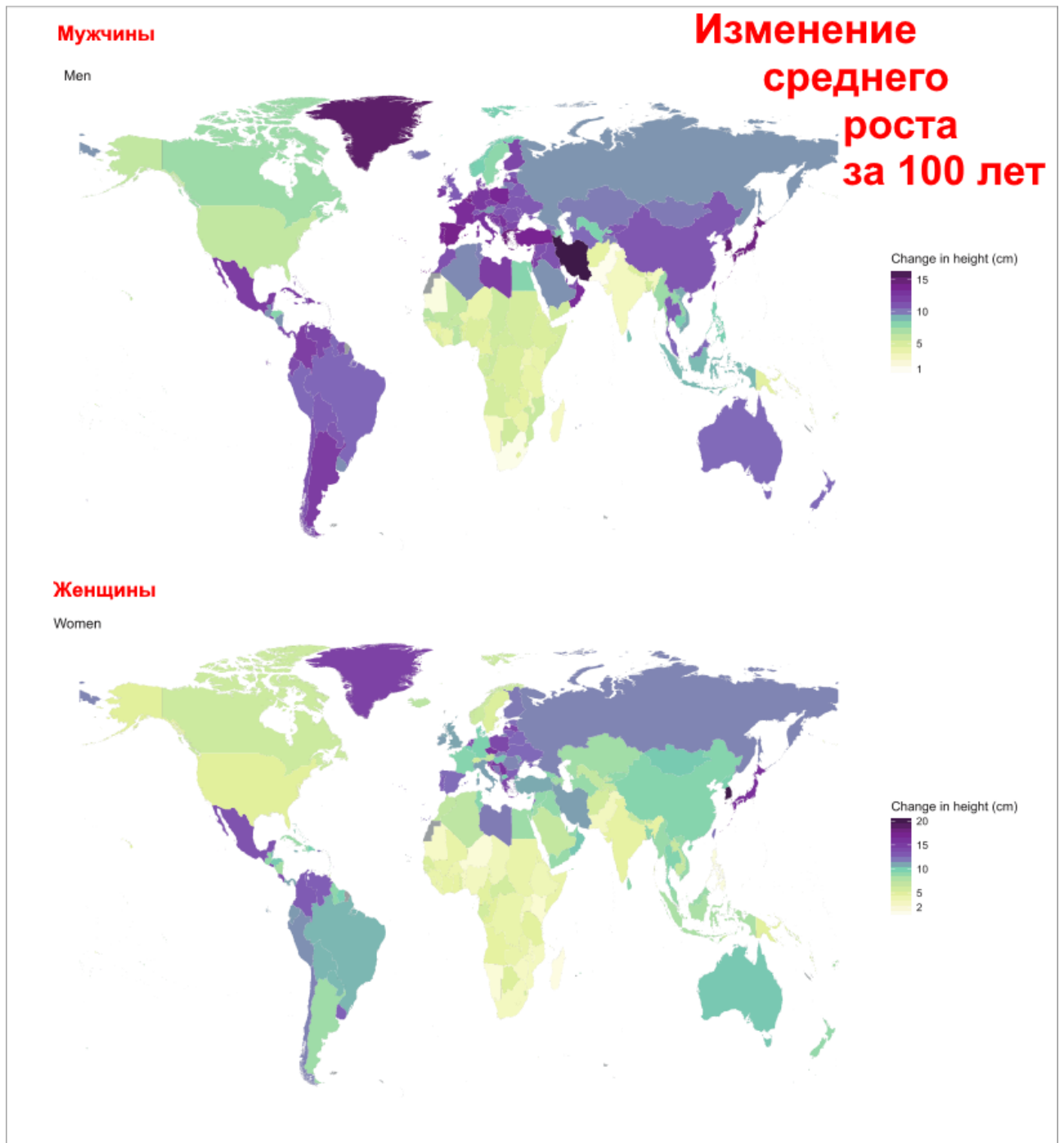
Рисунок 1. Средний рост мужчин в странах мира в когортах 1896 и 1996 г. рождения

Примечание: Изображение в полном разрешении: <http://dx.doi.org/10.7554/eLife.13410.003>

Рисунок 2. Средний рост женщин в странах мира в когортах 1896 и 1996 г. рождения

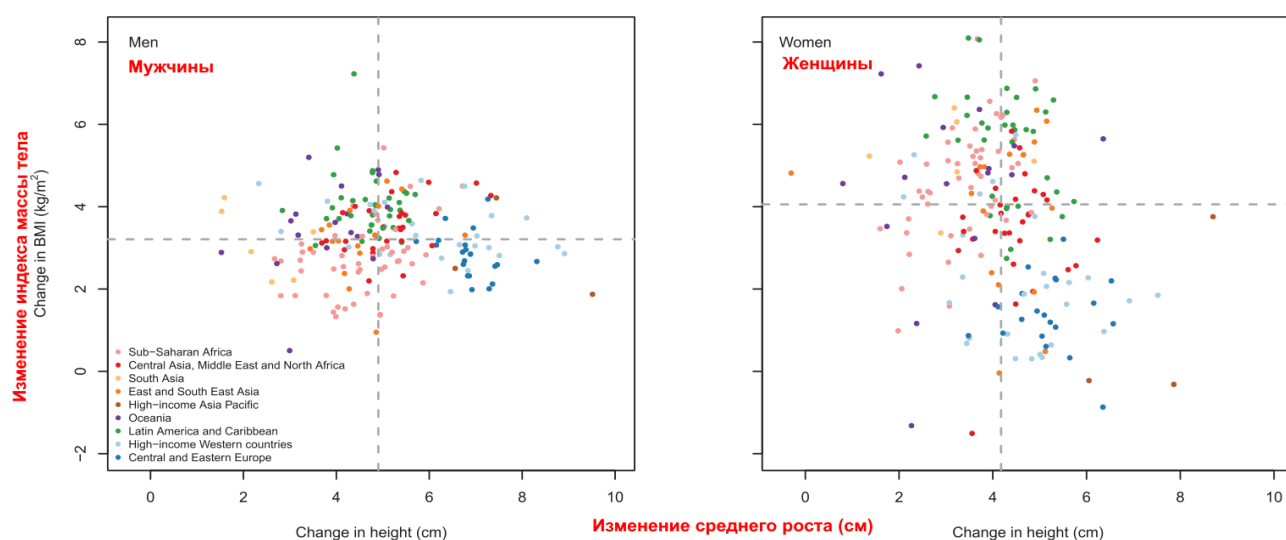
Примечание: Изображение в полном разрешении: <http://dx.doi.org/10.7554/eLife.13410.004>

Рисунок 3. Изменение в среднем росте населения в странах мира между когортами 1896 и 1996 г. рождения

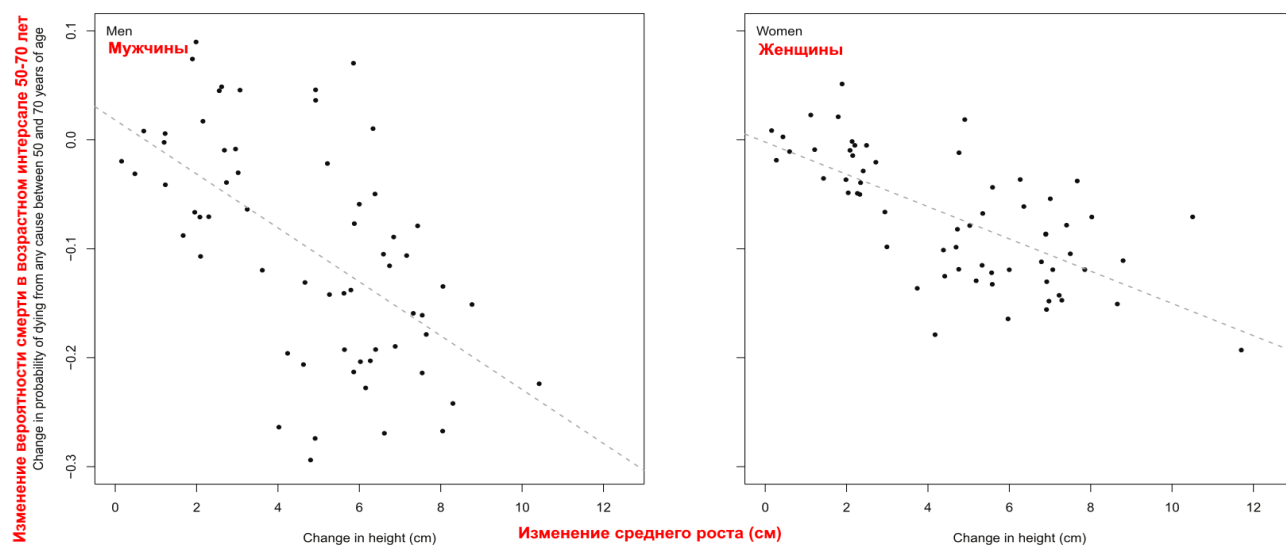
Примечание: Изображение в полном разрешении: <http://dx.doi.org/10.7554/eLife.13410.005>

Примечательно, что население мира стало не только выше, но и упитаннее (рисунок 4). Индекс массы тела (вес в килограммах, деленный на квадрат роста в метрах) изменился в среднем по странам мира на 3,3 у мужчин и на 4 у женщин (это очень много, учитывая, что разброс нормальных значений составляет примерно 6). Отчетливо видно, что наименьший прирост индекса массы тела наблюдался у женщин развитого мира, что, видимо, соответствует изменениям в представлениях о женской красоте.

Рисунок 4. Соотношение изменений в росте и индексе массы тела

Средний рост населения в молодом возрасте – очень надежная характеристика качества жизни населения страны. Например, можно убедиться (рисунок 5) в сильной корреляции динамики среднего роста и динамики смертности в зрелых возрастах. Авторы предлагают включать данные о росте человека во все обследования населения.

Рисунок 5. Корреляция между изменением среднего роста населения страны и изменением смертности в зрелых возрастах

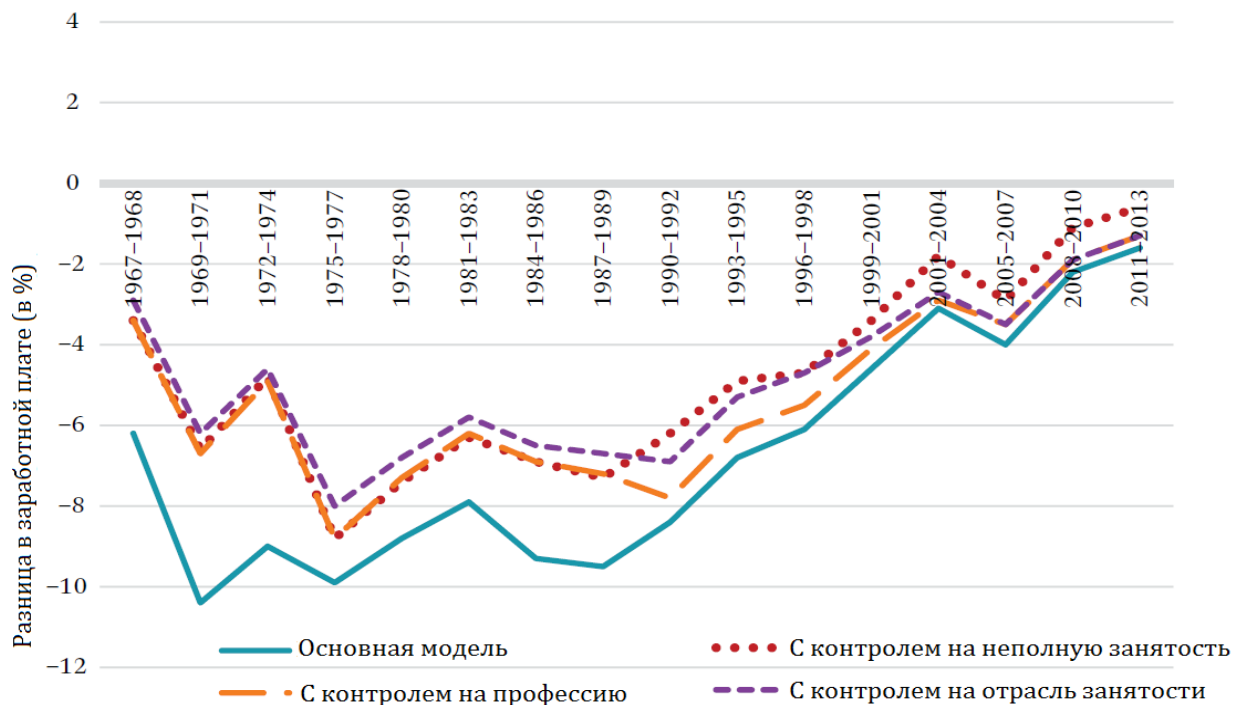
THE FAMILY GAP IN PAY: NEW EVIDENCE FOR 1967 TO 2013

[Pal I., J. Waldfogel (2016). *The family gap in pay: new evidence for 1967 to 2013* // *RSF: The russell sage foundation journal of the social sciences*. 2(4): 104–127. <http://www.rsfsjournal.org/doi/pdf/10.7758/RSF.2016.2.4.04>]

Анализу различий в уровне оплаты труда женщин с детьми и без посвящено великое множество работ — достаточно сказать, что метаобзор статей по этому вопросу занимает 80 страниц. Кажется, что дискуссия в этой сфере с некоторых пор как будто ходит по кругу: кто-то обнаруживает не объясненную ничем, кроме наличия детей, разницу в заработной

плате, а кто-то доказывает, что после (убедительной или не очень) калибровки модели все различия все-таки можно объяснить другими характеристиками женщин и их человеческого капитала. Новые публикации по этим вопросам, как правило, фокусируются на уточнении подобранных моделей или более подробном разборе страновых кейсов. По сути и эта работа не является исключением: она посвящена США и сами авторы исследования, Ипшита Пал и Джейн Вальдфогель, среди его ключевых достоинств указывают на расширение горизонта оценки почти до пяти десятилетий — представленные в статье расчеты основываются на данных текущих обследований населения за период с 1967 по 2013 г.

Основным выводом работы стало следующее наблюдение: в середине 1960-х годов женщины с несовершеннолетними детьми при прочих равных в среднем получали за свою работу на 4-6% ниже бездетных (в зависимости от спецификации модели), а к началу 2010-х годов эта разница сократилась до 1% (рисунок 6).

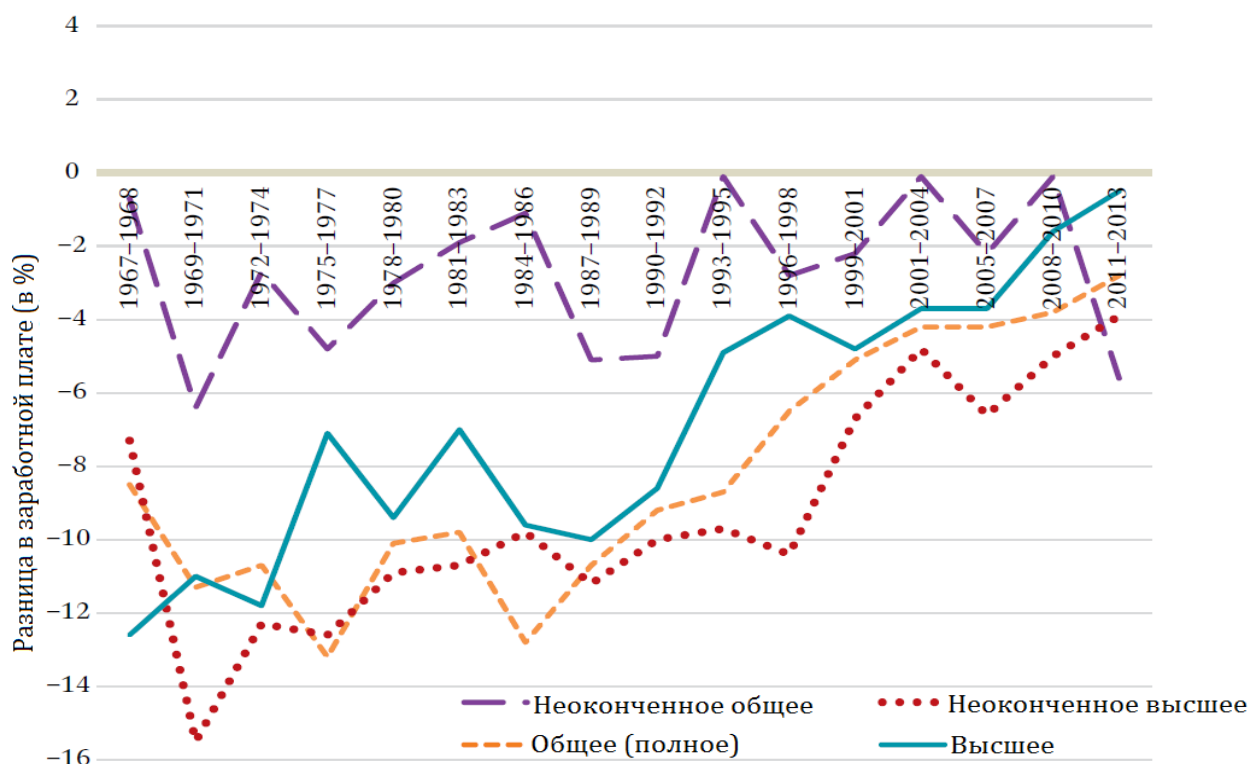

Рисунок 6. Динамика различий в оплате труда женщин с детьми и бездетных женщин, %; оценки МНК-модели на данных текущих обследований населения США

Примечание: Выборка состоит из женщин в возрасте 25-44 лет, статус матери определяется наличием детей в возрасте до 18 лет в домохозяйстве; коэффициент в модели с контролем на неполную занятость статистически не значим для интервала 2011-2013 гг.; все прочие коэффициенты на рисунке значимы.

Авторы подчеркивают, что обнаруженные различия сильно дифференцированы по уровню образования женщин (и это может быть интересно в контексте попыток проводить в России политику, направленную на повышение рождаемости во время получения высшего образования; рисунок 7), сфере занятости и брачному статусу. В отношении последнего любопытно, что в соответствии с полученными результатами для замужних американок различия в оплате труда в связи с наличием детей сокращались почти

монотонно и в последние периоды эта группа даже оказалась в выигрыше, в то время как для незамужних позитивных изменений почти не наблюдается.

Рисунок 7. Динамика различий в оплате труда женщин с детьми и бездетных женщин в разрезе уровня образования, %; оценки МНК-модели на данных текущих обследований населения США

Примечание: Выборка состоит из женщин в возрасте 25-44 лет, статус матери определяется наличием детей в возрасте до 18 лет в домохозяйстве; коэффициенты статистически не значимы для женщин с неоконченным средним образованием ("less than high school"); все прочие коэффициенты на рисунке значимы.

В некоторой степени эти результаты перекликаются с оценками, полученными теми же авторами ранее, и поэтому для нас, может быть, даже больший интерес представляет описанный в статье выбор эконометрической модели. Ключевой проблемой таких исследований является борьба с различного рода селекцией: по материнству или занятости. Авторы этой работы предлагают использовать относительно простой с технической точки зрения метод коррекции на селекцию по материнству: включение в модель оценки заработной платы весовых коэффициентов, обратных вероятности быть матерью, рассчитанных с учетом фактического статуса материнства (метод носит название AITW — augmented inverse probability of treatment weighting). Такая система дает надежные оценки коэффициентов даже в случае ошибочной спецификации одного из двух уравнений: бинарного для оценки вероятности быть матерью или уравнения заработной платы. Хотя ранее этот метод получил распространение в медицинских и эпидемиологических исследованиях, в статье Ипшиты Пал и Джейн Вальдфогель он впервые использован для оценки различий в заработной плате, связанных с наличием детей.

DOES MARRIAGE AFFECT MEN'S LABOR MARKET OUTCOMES? A EUROPEAN PERSPECTIVE

[Jakobsson N., A. Kotsadam (2016). Does marriage affect men's labor market outcomes? A European perspective // Review of economics of the household. 14(2): 373-389. doi:10.1007/s11150-013-9224-7]

В определенном смысле близкая по теме статья вышла в этом году у Никласа Якобссона и Андрэаса Котсадама — она посвящена анализу различий в уровнях занятости и оплаты труда и женатых и холостых мужчин. Пытаясь выяснить, женитьба ли делает мужчин более производительными на работе или более производительные мужчины сильнее склонны к браку, в своей работе авторы анализируют данные двух крупных обследований: Европейского панельного обследования доходов и уровня жизни населения (European Union Statistics on Income and Living Conditions survey, EU-SILC) и Европейского обследования домохозяйств (European Community Household Panel survey, ECHP) по 12 европейским странам за 13-летний период с 1994 по 2007 г.

Оценив набор многоуровневых моделей с фиксированными и случайными эффектами, авторы приходят к выводу, что все наблюдаемые различия в количестве отработанных часов объясняются селекцией по браку. Более высокая заработная плата женатых мужчин в начале периода наблюдения, т.е. в середине 1990-х годов, возможно, была частично ассоциирована с браком как таковым (по крайней мере, не полностью объяснялась тем, что изначально в брак склонны вступать более успешные и здоровые люди), однако в более поздние периоды этот эффект исчез.

Якобссон и Котсадам обращают внимание на тот факт, что из сопоставления полученных для разных стран и периодов времени результатов видно, что в более традиционных обществах (там, где наблюдаются относительно низкие уровни разводимости и женской занятости) брак дает немного больший бонус к заработной плате мужчин. Связывая эти явления между собой, авторы предполагают, что сглаживание гендерных диспропорций на рынке труда вместе с ростом независимости женщин в целом может ослаблять терапевтическое влияние брака на доходы мужчин. Однако проверка этой гипотезы станет задачей будущих исследований.

LONG-DISTANCE MIGRATION AND MORTALITY IN SWEDEN: TESTING THE SALMON BIAS AND HEALTHY MIGRANT HYPOTHESES

[Andersson G., S. Drefahl (2016). Long-distance migration and mortality in Sweden: testing the salmon bias and healthy migrant hypotheses // Population, space and place. n/a-n/a. doi.org/10.1002/psp.2032]

Исследователи миграции постоянно сталкиваются с различными «парадоксами». Так принято называть отличия мигрантов от местного населения, которые противоречат общепринятым исходным предположениям, основанным на житейском здравом смысле. Принято считать, что мигранты, как правило, обладают более низкими показателями человеческого капитала, нежели жители принимающих территорий — обычно

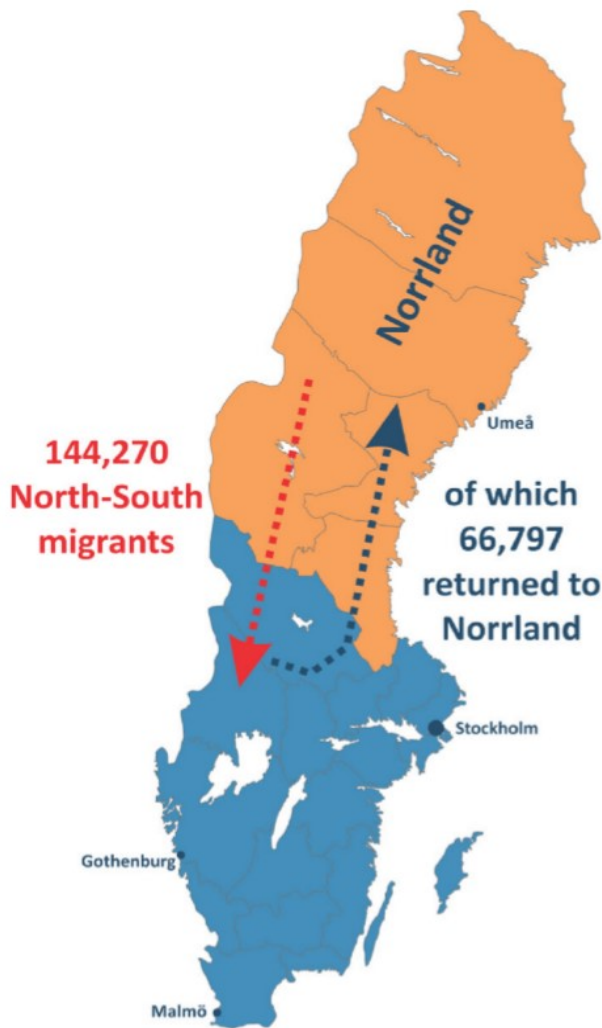
миграционные потоки направлены из менее благополучных регионов/стран/районов в более благополучные. Чаще всего подобные предположения верны и различные характеристики человеческого капитала мигрантов ниже, чем у местных. Однако это не значит, что все характеристики мигрантов будут хуже. Так, например, многочисленные исследования обнаруживали у мигрантов смертность ниже, чем у принимающего населения. Традиционно это контринтуитивное различие принято списывать на счет селективности миграции. Подразумевается, что мигрируют люди с изначально лучшим здоровьем и большей вероятностью прожить дольше. В агрегированном виде такая селективность выливается в более низкие показатели смертности среди мигрантов. Альтернативное объяснение получило название «искажение лосося» (salmon bias). Согласно этой гипотезе старые и больные мигранты склонны мигрировать перед смертью обратно на родину — подобным же образом в дикой природе поступают лососи. Гипотеза эта подтверждается данными об оттоке пожилых мигрантов во многих странах.

Оба объяснения находят подтверждение в многочисленных работах. Но какое из них важнее? Какой из эффектов — селекция по здоровью или отток пожилых — в большей степени объясняет пониженную смертность мигрантов? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо иметь детальные данные: надо проследить несколько когорт мигрантов на протяжении жизни и миграции и до самой смерти. Разумеется, подобные данные первыми оказываются в доступе исследователей в Швеции. И вот Гуннар Андерсен и Свен Дрефал, вооружившись уникальным набором данных, впервые попытались ответить на поставленный вопрос: селекция или лосось?

Исследователи сравнили смертность мигрантов из северных районов Швеции со смертностью жителей южных районов. При этом в их распоряжении имелась информация о «возвращенцах». Так, из 144 тыс. переселенцев с севера 67 тыс. впоследствии вернулись назад на север (рисунок 8). Подобный дизайн исследования хорош тем, что при значительной дистанции переселения и колоссальных различиях между северной и южной частями страны учет ведется в одной стране по единой системе и качество данных не в пример лучше того, с чем привыкли работать исследователи миграции.

Результаты исследования однозначно «в пользу» лосося. «Искажение лосося» отчетливо проявляется: назад на север мигрируют люди со значительно худшими характеристиками здоровья и смертности. Гипотеза селекции по здоровью при изначальной миграции не подтверждается: северяне в Южной Швеции обладают не лучшим здоровьем и показателями смертности, нежели жители Северной Швеции. Даже наоборот, если принять во внимание в среднем более высокий уровень образования мигрантов (а здоровье и смертность сильно и положительно связаны с уровнем образования), получается, что здоровье мигрантов незначительно, но все же хуже, чем у остающегося на севере населения.

Более глубокий анализ взаимодействия между различными изучаемыми характеристиками мигрантов показывает, что эффект лосося значительно сильнее затрагивает малообразованных, мужчин и холостых.

Note: Norrland includes the five northern counties of Sweden: Norrbotten, Västerbotten, Jämtland, Västernorrland and Gävleborg.

Рисунок 8. Отображение на карте исследованных миграционных потоков

Авторы не претендуют на всеобъятность выявленных ими закономерностей — может оказаться, что такой «расклад сил» между объясняющими гипотезами характерен лишь для изучаемой страны, миграционных потоков или даже определенных когорт. Постепенная доступность данных для аналогичных исследований в разных странах мира позволит в будущем вывести общие закономерности.

SPANKING AND CHILD OUTCOMES: OLD CONTROVERSIES AND NEW META-ANALYSES

[Gershoff E.T., A. Grogan-Kaylor (2016). *Spanking and child outcomes: old controversies and new meta-analyses* // *Journal of family psychology*. 30(4): 453–469. doi.org/10.1037/fam0000191]

Бить или не бить? К сожалению, этот вопрос применительно к воспитанию детей возникает чаще, чем можно было бы ожидать, если бы человечество умело максимально эффективно пользоваться добытыми в результате многочисленных исследований данными. На

протяжении как минимум столетия бесчисленные исследования находили негативные последствия физического наказания на развитие детей. И несмотря на это шлепки, оплеухи, порки и избиения до сих пор входят в арсенал «крайних мер» большинства родителей на Земле — по данным UNICEF, физическому наказанию в том или ином виде подвергается около 80% детей в мире.

Часто можно столкнуться с убеждением в том, что порка за дело или шлепки — не то же самое, что избиения, и не травмируют детей. Элизабет Гершоф и Эндрю Гроган-Кэйлор опубликовали результаты масштабного метаанализа 111 исследований по теме. Резюме: скорее травмируют.

Физические наказания любого вида и степени интенсивности негативно сказываются на многочисленных характеристиках развития детей. Негативность телесных наказаний не зависит от частоты, интенсивности, обоснованности, регулярности и прочих характеристик воздействия. Более того, распространение мнения об эффективности телесных наказаний в исправлении детских провинностей — не более чем миф. Физические воздействия не эффективны в качестве педагогического средства.

Подводя итог, авторы исследования говорят, что родители, применяющие телесные наказания, методисты, рекомендуемые им, и политические и законодательные деятели, допускающие внутрисемейное насилие, должны отчетливо понять, что никаких подтверждений эффективности и полезности подобных мер нет, а свидетельств негативного воздействия достаточно.

Тема довольно регулярно становится предметом общественной дискуссии в России. За телесные наказания высказываются то церковь, то депутаты.

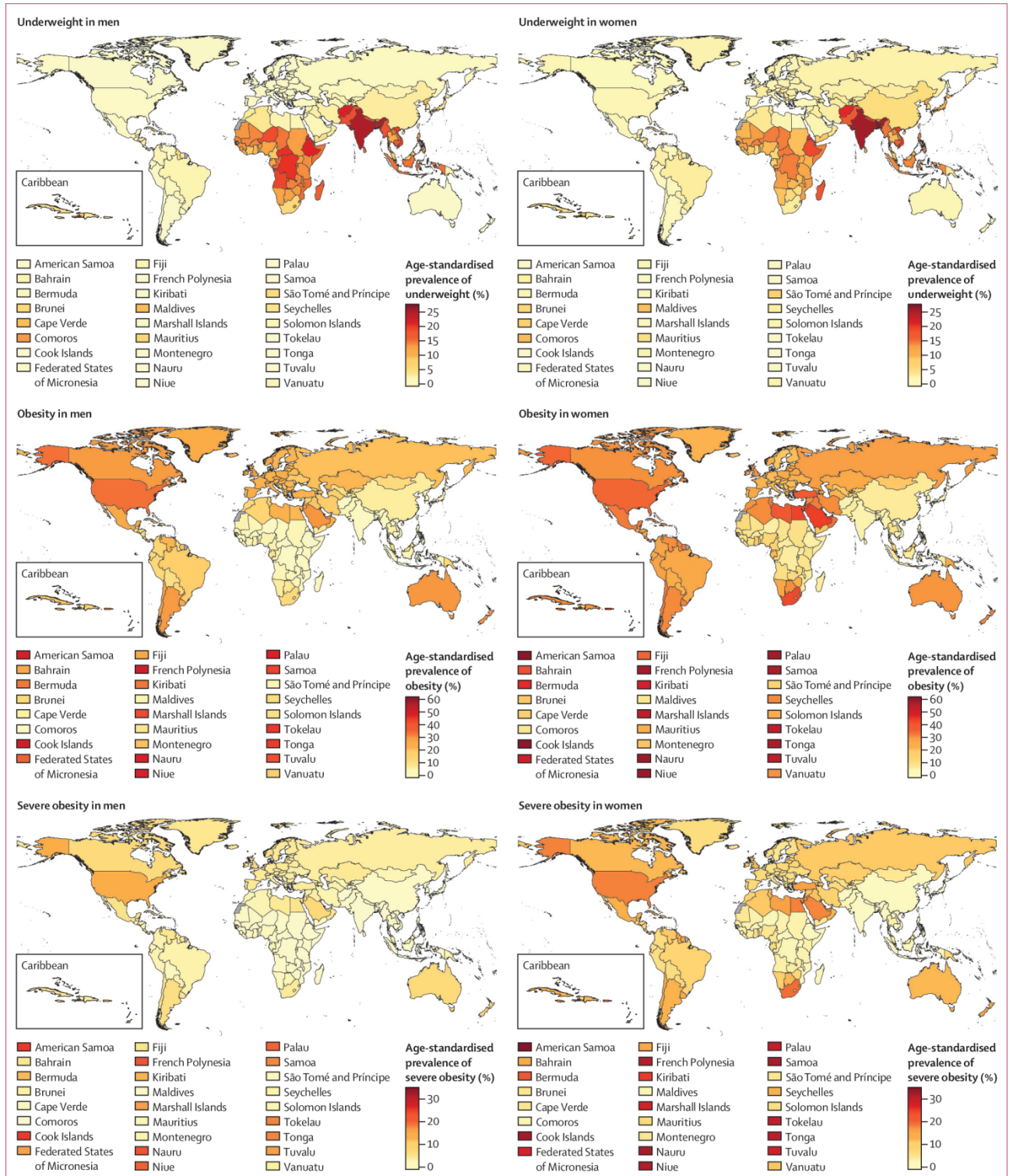
TRENDS IN ADULT BODY-MASS INDEX IN 200 COUNTRIES FROM 1975 TO 2014: A POOLED ANALYSIS OF 1698 POPULATION-BASED MEASUREMENT STUDIES WITH 19.2 MILLION PARTICIPANTS

[(NCD-RisC), N.R.F.C. (2016). Trends in adult body-mass index in 200 countries from 1975 to 2014: a pooled analysis of 1698 population-based measurement studies with 19.2 million participants // The Lancet. 387(10026): 1377–1396. doi.org/10.1016/S0140-6736(16)30054-X]

NCD Risk Factor Collaboration опубликовали в престижном журнале Lancet обзорную статью об индексе массы тела в странах мира. Индекс массы тела – общепринятый индикатор соотношения роста и веса. Рассчитывается он делением веса в килограммах на квадрат роста в метрах.

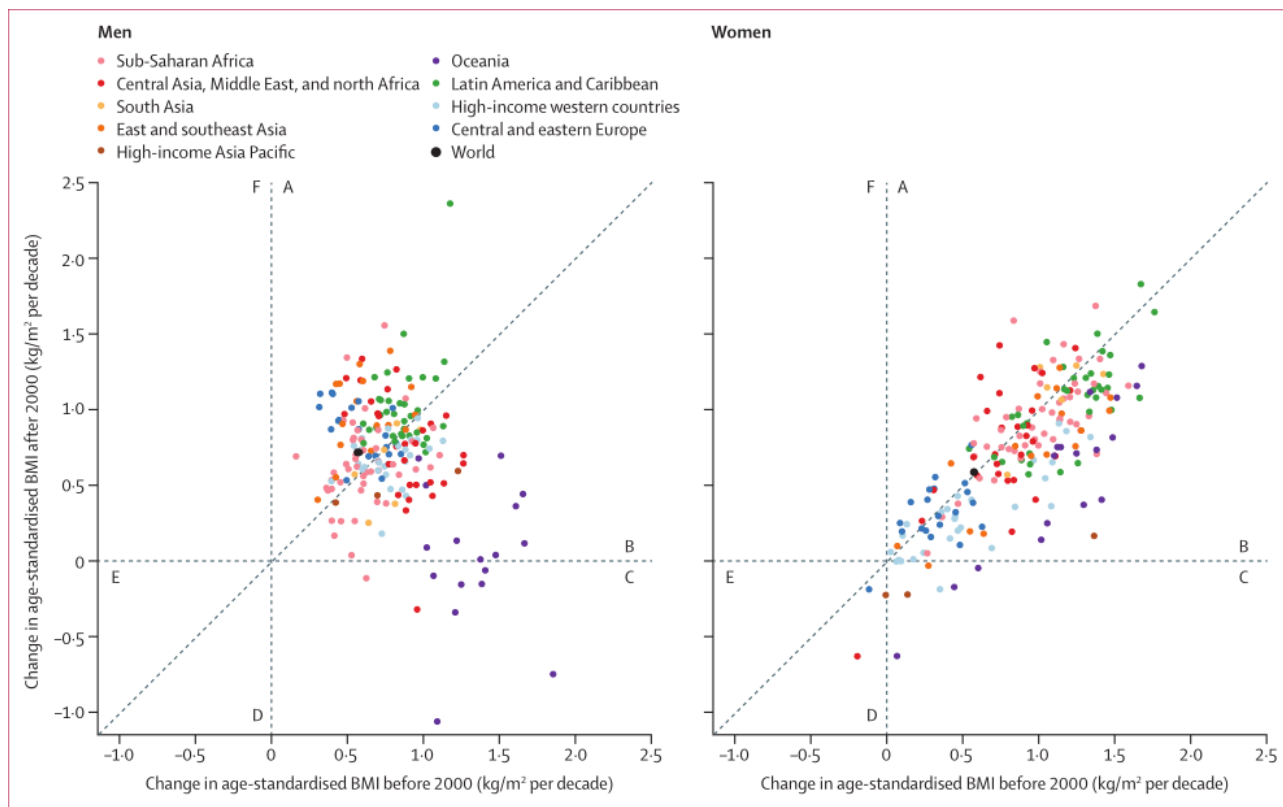
В исследовании проанализировали данные 1698 ранее опубликованных исследований. Общая численность индивидов, включенных в анализ, составила 19,2 млн человек. Данные рассматривались отдельно для мужчин и женщин и стандартизировались на возрастную структуру.

Глобальные тенденции индекса массы тела демонстрируют два крайне важных для здоровья человечества явления: сокращение недобора массы тела в развивающемся мире и распространение ожирения в развитом мире (рисунок 9). Если первое однозначно оказывает положительное воздействие на здоровье населения, то второе – однозначная угроза дальнейшему улучшению показателей здоровья и смертности населения развитых стран.

Рисунок 9. Распространенность недобора массы тела (BMI < 18), ожирения (BMI > 30) и критического ожирения (BMI > 35) среди мужчин (левые карты) и женщин (правые карты) в мире в 2014 г.

Наблюдаются любопытные гендерные различия во всемирных трендах (рисунок 10). Если у мужчин практически нет макрорегиональных различий в скорости роста индекса массы тела, то у женщин наблюдается явный разрыв между более благополучными странами, где темпы роста невелики, и менее благополучными странами, где происходит стремительный переход от проблемы недобора массы тела к проблеме ожирения.

Рисунок 10. Сравнение темпов роста индекса массы тела по странам мира до и после 2000 г.

Дополнительно в статье проанализирована динамика индекса массы тела людей в контексте глобальных задач человечества до 2025 г. Если тренды первого десятилетия нашего века сохранятся до 2025 г., то шансов выполнить задачи по сокращению ожирения в мире практически нет. Кроме того, нереалистичным выглядит и полное решение проблемы недостаточной массы тела в развивающихся странах мира.

A TALE OF TWO CRISES: MIGRATION AND TERRORISM AFTER THE PARIS ATTACKS

[Nail T. (2016). A tale of two crises: migration and terrorism after the Paris attacks // Studies in ethnicity and nationalism. 16(1): 158–167. doi.org/10.1111/sena.12168]

Террористические атаки в Париже 13 ноября 2015 г. изменили восприятие миграционного кризиса в Европе. Отныне миграционный кризис невозможно воспринимать отдельно от террористического. Трагические события как бы дали выход ранее приглушаемому мнению, что в терактах виноваты мигранты – после взрывов в

столице Франции об этом заговорили открыто. В общественном сознании распространилось и утвердилось мнение, что все мигранты – потенциальные террористы, а все террористы – потенциальные мигранты, которые готовы в любой момент затесаться в толпу беженцев, чтобы совершить преступления. Если раньше подобные взгляды выражали лишь националисты, то за последний год они получили широкое распространение и даже легитимацию. И нельзя сказать, что подобные позиции стали вдруг логичнее или обоснованнее – факт остается фактом: теракты в Париже готовили граждане Евросоюза. Скорее, верно то, что эти, ранее считавшиеся радикальными, взгляды после трагедии стали общественно приемлемыми.

Казалось бы, глупо всерьез рассуждать о том, что миграция не эквивалентна терроризму. Однако нельзя игнорировать тот факт, что в публичном пространстве, особенно после 11 сентября, часто выступают люди, намеренно ставящие знак равенства между явлениями. Постепенное принятие подобного искажения проявляется в ужесточении иммиграционной политики, из-за которого страдают миллионы мирных мигрантов.

Автор считает, что отождествление двух явлений ярко отражает комплексный кризис государственности в развитых странах. Два кризиса, миграционный и террористический, действительно взаимосвязаны, но отнюдь не напрямую, а в контексте парадигмы национальных государств.

Уже сейчас можно с уверенностью говорить, что идея примата «прав человека» во всем мире не состоялась. Развитым странам не удалось создать условия, необходимые для главенства гуманистических идей, даже на внутригосударственном уровне. Если формальная реализация декларируемых прав человека завязана на институт гражданства, что делать с 15-20% населения, не имеющего этого статуса, в таких странах, как США? На деле это означает, что внутри наиболее развитых стран есть часть населения, неизменно увеличивающаяся численно, которая структурно подвержена неравенству: лишена права голоса на выборах, ущемлена в возможностях трудоустройства, подвержена риску депортации и прочим лишениям и рискам. Неуклонно растущая миграция формирует неразрешимые проблемы в парадигме национальных государств.

Террористический кризис в мире во многом стал результатом холодной войны, многолетнего противостояния на международной арене двух наиболее сильных национальных государств. Невозможность прямого противостояния вылилась в локальные военные предприятия на территориях третьих стран. Военная поддержка отдельных группировок заложила технологические основы для формирования наиболее влиятельных террористических группировок современности.

Объединяет миграционный и террористический кризисы также и то, что, став одной из ключевых политических повесток в странах западного мира, они активно эксплуатируются для выражения внутренних политических проблем и смещения фокуса общественного внимания. Примечательно при этом, что миграционный и террористический кризисы выполняют одну роль во внутривнутриполитической дискуссии, будучи, по сути, диаметрально противоположными явлениями. С одной стороны, фигура мигранта вынуждает национальные государства воплощать в жизнь декларируемые ценности прав человека, подталкивая таким образом общество и социальные институты в

сторону большей открытости и социальной инклюзии. С другой стороны, фигура террориста сеет страх и толкает западные государства в сторону большей закрытости, ограничения мобильности, социальной эксклюзии и ксенофобии.

Томас Нэйль утверждает в своем эссе, что после терактов 13 ноября 2015 г. в Париже в Европе произошла трансформация в общественном восприятии мигранта, подобная той, что случилась заметно раньше в США после терактов 11 сентября 2001 г. В общественном сознании образ мигранта стал неразрывно связан с терроризмом. Антииммигрантская риторика все активнее называет современный виток европейской истории новой варваризацией. Даже на уровне речевых оборотов в описании притока мигрантов в Европу все чаще используются термины природных явлений и стихийных бедствий: наводнение (flood), волна (wave), шторм (storm), прилив (tide). Выбор подобной эмоционально окрашенной метафоричной лексики формирует устойчивое представление о миграции как об угрозе социальному устройству стран Европы. Тут срабатывает хоть и ложная, но простая аналогия: мигранты угрожают социальным институтам точно так же, как террористы угрожают общественной безопасности.

Сравнение современной ситуации с эпохой варваризации и падения Римской империи несет в себе скрытые смыслы, не всегда сознательно закладываемые в риторические формы, в которые политики облачают свои речи относительно миграционного кризиса. С одной стороны, сравнение современной Европы с Римской империей подспудно оправдывает империализм, который в современном мире можно проследить в международной политике Запада, и рабство, некий аналог которого прослеживается в угнетенном положении иммигрантов и их неравноправии. С другой стороны, сравнение мигрантов с варварами в контексте известной нам истории падения Рима создает ощущение колоссальной угрозы, исходящей от мигрантов, и формирует ожидание неизбежного краха современного благополучия Европы. Подобная риторика способствует соединению миграционного и террористического кризисов в общественном восприятии и двигает Европу от демократических ценностей и глобализации в сторону национализма и закрытости.

PENSIONS AND FERTILITY: BACK TO THE ROOTS

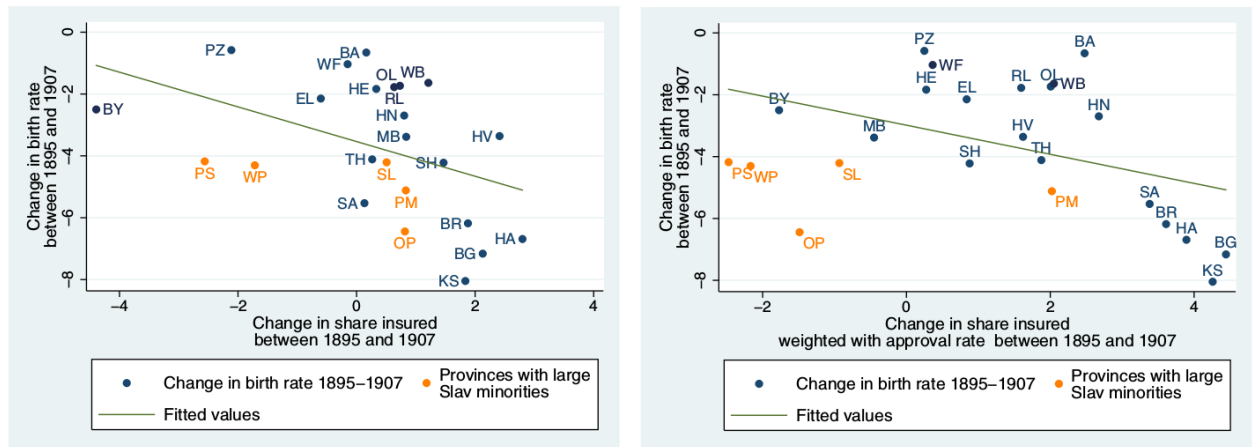
[Fenge R., B. Scheubel (2017). Pensions and fertility: back to the roots // Journal of population economics. 30(1): 93–139. doi.org/10.1007/s00148-016-0608-x]

Роберт Фенге и Беатрис Шойбель на уникальных исторических данных Германской империи конца XIX — начала XX века проверили и подтвердили гипотезу о негативной взаимосвязи развития государственного пенсионного страхования и уровня рождаемости. Эти на первый взгляд мало взаимосвязанные явления в классических микроэкономических работах принято увязывать через гипотезу социальной безопасности (social security hypothesis), которая предполагает, что индивидуальное страхование от крупных рисков в течение жизни (болезни, несчастные случаи, нищета) ослабевает при развитии государственного страхования от подобных рисков. Адаптацию рождаемости можно рассматривать как частный случай проявления данной гипотезы. Модель, рассматриваемая авторами, предполагает три варианта обеспечения собственной старости: самостоятельные

накопления, трансферты от детей и взносы в системы пенсионного страхования. Развитие государственной системы страхования приводит к ослаблению необходимости в многочисленном потомстве для обеспечения собственной старости.

Взаимосвязь между развитием пенсионного страхования и снижением рождаемости подтверждается эмпирическим исследованием (рисунок 11).

Fig. 3 Changes in marital birth rates and the share insured. Birth rates expressed in per thousand. Change in share insured expressed in percentage points. OP = Ostpreußen; WP = Westpreußen, BG = Brandenburg; PM = Pommern; PS = Posen; SL = Schlesien; SA = Sachsen-Anhalt; SH = Schleswig-Holstein; HV = Hannover; WF = Westfalen; HN = Hessen-Nassau; RL = Rheinland; BY = Bayern; PZ = Pfalz; KS = Königreich Sachsen; WB = Württemberg; BA = Baden; HE = Hessen; MB - Mecklenburg; TH = Thüringen; OL = Oldenburg; BR = Braunschweig; HA = Hansestädte; EL = Elsaß-Lothringen

Рисунок 11. Изменения в уровне рождаемости и доли участвующих в программах пенсионного страхования

Авторы исследования отдельно отмечают, что они учитывают первый демографический переход в контрольных переменных. Негативный эффект пенсионного страхования на рождаемость оказывается значительно существеннее аналогичного эффекта распространения грамотности или уровня урбанизации. В целом, по оценке авторов, эффект введения пенсионного страхования в Германской империи на рубеже XIX и XX веков объясняет до 15% снижения уровня рождаемости в 1895-1907 гг.

SUPERSTITIONS, RELIGIOSITY AND SECULARIZATION: AN ANALYSIS OF THE PERIODIC OSCILLATIONS OF WEDDINGS IN ITALY

[Breschi M., G. Ruiu (2016). Superstitions, religiosity and secularization: an analysis of the periodic oscillations of weddings in Italy // Genus. 72(1): 7. doi.org/10.1186/s41118-016-0012-0]

Насколько сильны традиции, предубеждения и религиозные взгляды при выборе даты свадьбы в современной Италии? На этот вопрос ответили Марко Бреши и Габриэле Руйу, проанализировав все браки, заключенные в Италии в 2007-2009 гг. Современную ситуацию они сравнили с результатами исследования Норы Федеричи для послевоенной Италии.

Результаты оказались удивительными.

Несмотря на то, что вторую половину XX века Италия проделала путь от аграрной сельской страны до экономически развитой, от молодой до активно стареющей, от гомогенной до мультикультурной, предрассудки и традиции до сих пор играют значительную роль при выборе даты бракосочетания, и в этом отношении мало что поменялось с послевоенных лет. По-прежнему итальянцы стараются не выбирать для свадьбы вторники и 17-е числа каждого месяца (рисунок 12), а также в значительной мере придерживаются религиозных предписаний относительно подходящих дней для заключения союза.

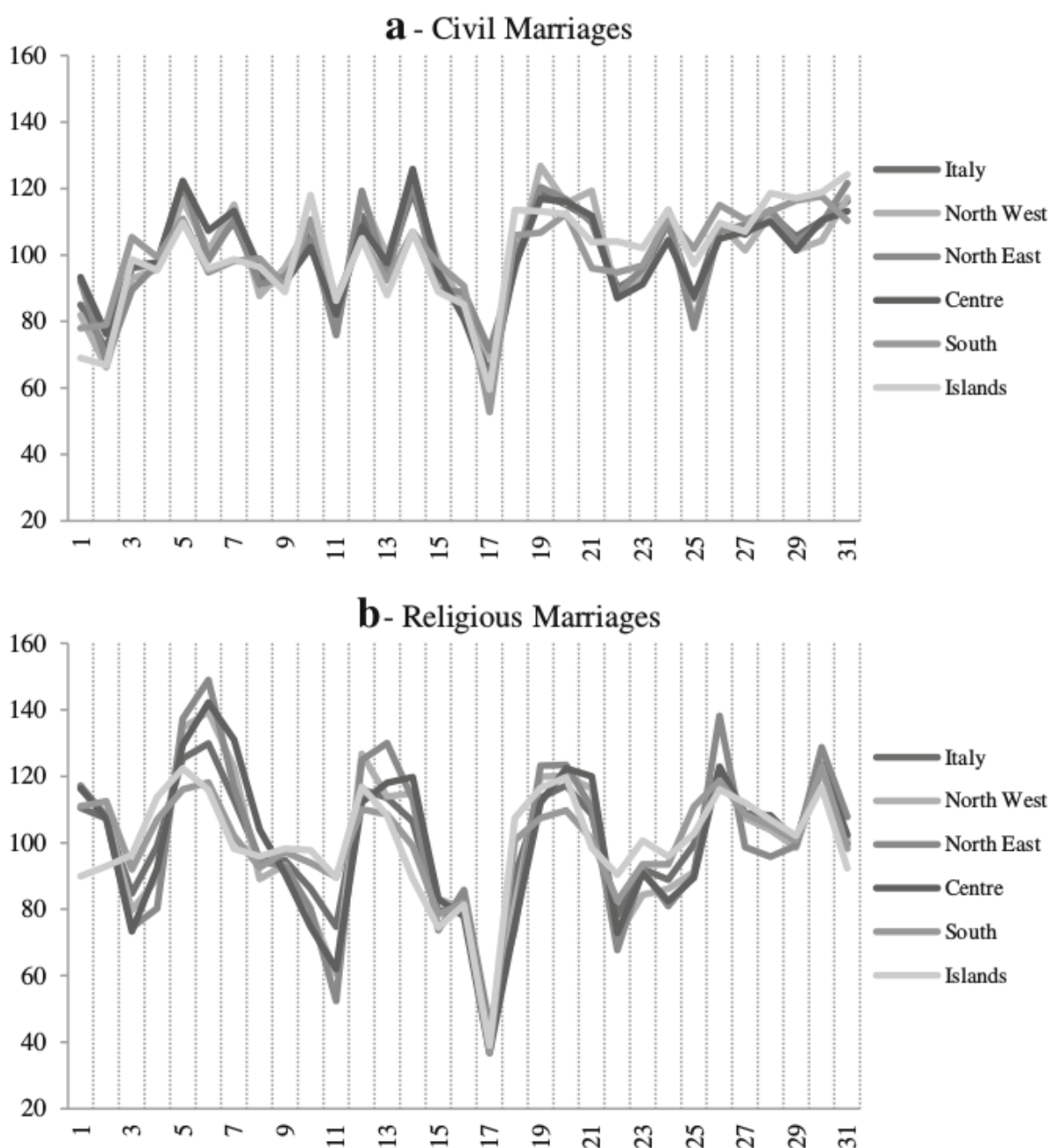
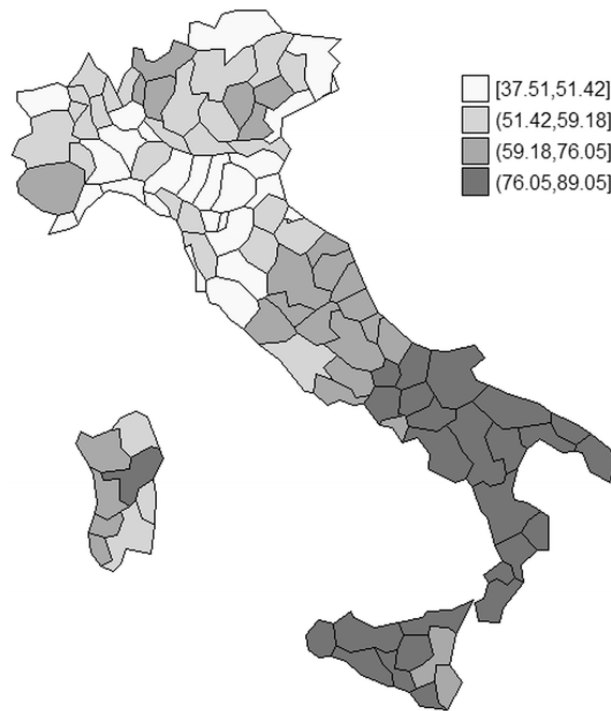
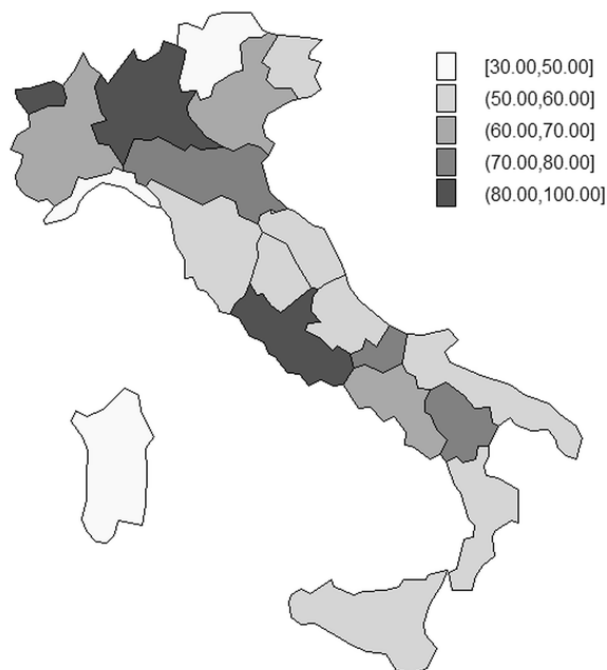

Рисунок 12. Частота бракосочетаний по дням месяца в различных макрорегионах Италии

Практически любые исследования населения Италии выявляют значительные различия между Севером и Югом. Предвззудки — не исключение, но есть любопытная деталь. Южная Италия более религиозная, здесь значительно строже придерживаются церковного календаря и чаще заключают церковные браки (рисунок 13), в то время как в Северной Италии большее внимание уделяется гороскопам (рисунок 14).

Рисунок 13. Доля церковных браков среди всех зарегистрированных

Рисунок 14. Распространённость запроса «гороскоп», по данным Google Trend

Результаты регрессионного моделирования выявляют любопытные социально-демографические закономерности в распространенности заключения браков по церковному календарю. Возраст негативно ассоциирован и с религиозностью бракосочетаний. При этом, как отмечают авторы, дело тут может быть не в религиозности как таковой, а в большей склонности молодых людей превратить свадьбу в событие, запоминающееся на всю жизнь. Антураж средневековых или барочных храмов Италии помогает подчеркнуть уникальность и грандиозность события. Данные о семейном положении жениха и невесты подтверждают это соображение: разведенные и вдовы во много раз менее склонны совершать церковный брак. Удивительно, но уровень образования не только не снижает религиозность, но напротив, положительно ассоциирован с заключением браков по церковному календарю. Это, по всей видимости, исключительно итальянский феномен.

Дополнительный анализ склонности заключать брак в наиболее не приветствуемое церковью время показывает, что к подобному поведению больше склонны люди безработные. Это может быть связано с тем, что в непопулярный сезон организовать свадьбу гораздо дешевле.

DEMOGRAPHIC DIGEST

ILYA KASHNITSKY, SVETLANA BIRYUKOVA

- *Parr N., J. Li, L. Tickle. A cost of living longer: projections of the effects of prospective mortality improvement on economic support ratios for 14 advanced economies*
- *(NCD-RisC), N. R. F. C. A century of trends in adult human height*
- *Pal I., J. Waldfogel. The family gap in pay: new evidence for 1967 to 2013*
- *Jakobsson N., A. Kotsadam. Does marriage affect men's labor market outcomes? A European perspective*
- *Gershoff E.T., A. Grogan-Kaylor. Spanking and child outcomes: old controversies and new meta-analyses*
- *(NCD-RisC), N.R.F.C. Trends in adult body-mass index in 200 countries from 1975 to 2014: a pooled analysis of 1698 population-based measurement studies with 19.2 million participants*
- *Fenge R., B. Scheubel. Pensions and fertility: back to the roots*
- *Breschi M., G. Ruiu. Superstitions, religiosity and secularization: an analysis of the periodic oscillations of weddings in Italy*

ILYA S. KASHNITSKY (ikashnitsky@hse.ru), NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA; UNIVERSITY OF GRONINGEN (RUG) AND NETHERLANDS INTERDISCIPLINARY DEMOGRAPHIC INSTITUTE (NIDI, NETHERLANDS).

SVETLANA BIRYUKOVA, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, RUSSIA

DATE RECEIVED: NOVEMBER 2016.